

### Борис Степанов

Кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник  
Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Поletaева,  
доцент Школы культурологии Национального исследовательского университета  
«Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, дом 20, г. Москва, Российская Федерация  
E-mail: [bstepanov@hse.ru](mailto:bstepanov@hse.ru)

Своим присутствием в горизонте современной урбанистической рефлексии Петербург в значительной степени обязан русской литературе. Будучи порождением культуры Серебряного века, «петербургский миф» инспирировал не только развитие краеведения в Петербурге и других российских городах, но и оказал значительное влияние на современное гуманитарное знание. Речь идет не только о концепции «петербургского текста», выдвинутой представителями тартуско-московской семиотики и в значительной степени унаследовавшей историософские подтексты петербургской мифологии. Благодаря работам Этторе Ло Гатто и в еще большей степени Дональда Фангера образ города на Неве стал достоянием литературоведческой урбанистики<sup>1</sup>. Ярким примером востребованности этого материала в социальной науке можно считать книгу Маршалла Бермана, где Петербург, увиденный сквозь призму классических литературных текстов (от «Медного всадника» до «Петербурга» Андрея Белого) выступает одной из лабораторий изучения природы современного общества<sup>2</sup>. Современные исследования феномена Петербурга в той или иной степени продолжают вдохновляться описаниями «петербургского мифа» и «петербургского текста» от Николая Анциферова до Владимира Топорова. Разумеется, большинство современных ученых, особенно представляющих американскую славистику, относятся к этим теоретическим конструкциям весьма критически<sup>3</sup>. Преодолевая ее ограниченность, они не только пересматривают ее историософскую догматику, но и расширяют корпус изучаемых текстов за счет

© Степанов Б. Е., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-400-405

\* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

1. Fanger D. (1965). Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Cambridge: Harvard University Press.; Lo Gatto E. (1960). Il mito di Pietroburgo: storia, leggenda, poesia. Milano: Feltrinelli.

2. Berman M. (1982). All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. N.Y.: Simon & Schuster.

3. См., напр.: Маркович В. М., Шмид В. (ред.). (2005). Существует ли Петербургский текст? СПб.: СПбГУ.

тривиальной литературы, очерков и фельетонов, газетных статей и путеводителей<sup>4</sup>. При этом полноценного выхода в социально-историческую плоскость все же не происходит. Количество и известность подобных исследований неизмеримо меньше, чем работ, посвященных «петербургскому тексту», не говоря уже о еще более традиционных «биографиях» города на Неве. Пожалуй, наиболее заметен здесь вклад историков архитектуры, не только реконструирующих развитие петербургской архитектуры, но и вписывающих ее в контекст модернистского градостроительства<sup>5</sup>. Однако по понятным причинам комплексный анализ взаимосвязи социальных, культурных и политических факторов истории Петербурга как своеобразной лаборатории модерности пока еще встречается крайне редко<sup>6</sup>.

Книгу Евы Берар «Империя и город: Николай II, „Мир искусства“ и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914», выпущенную в 2016 году издательством «Новое литературное обозрение», можно считать важным вкладом в разработку социальной и культурной истории города в предреволюционные десятилетия. В классической работе «Душа Петербурга» Николай Анциферов назвал Петербург «городом трагического империализма». Став колыбелью Революции, город на Неве утратил с ее победой статус столицы, а затем и свое имя. Подхватывая эту формулу, французская исследовательница сразу же дистанцируется от историко-софской традиции и ее семиотических эманаций. Во введении к книге она пишет о том, что предметом ее интереса будет «не столько сущность „петербургского мифа“, сколько его преобразование и та роль, которую он сыграл при неизбежном для современного города столкновении с функциональными требованиями и научными знаниями» (с. 8). Однако, в отличие от большинства работ, посвященных изучению российской урбанизации конца XIX — начала XX века, с одной стороны, и историко-архитектурных исследований российского градостроительства — с другой, автор фокусирует свое внимание на истории урбанистических проектов. В этом отношении замысел книги Евы Берар близок к концепции классической ра-

---

4. Наиболее интересные подходы к развитию и переосмыслению традиции исследований «петербургского текста» см. в: Каганов Г. З. (1995). Санкт-Петербург: образы пространства. СПб.: Индрик; Buckler J. (2005). Mapping St Petersburg: Imperial Text and Cityshape. Princeton: Princeton University Press; Николози Р. (2009). Петербургский панегирик XVIII века: миф — идеология — риторика / Пер. с нем. М. Н. Жаровой под ред. К. А. Богданова. М.: Языки славянской культуры; Matich O. (ed.). (2010). *Petersburg/Petersburg: Novel and City, 1900–1921*. Madison: University of Wisconsin Press.

5. См., напр.: Лисовский В. Г. и др. (2010). Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Книга третья. М.: Прогресс-Традиция. Из новейших работ на эту тему можно упомянуть статью В. Басса: Басс В. (2018). Изобретение «Старого Петербурга» 100 лет назад: к истории самого успешного отечественного предприятия по отделению архитектуры от политики // Новое литературное обозрение. № 1. С. 145–174.

6. В наибольшей степени этот подход реализован в следующих работах: Clark K. (1995). *Petersburg, Crucible of Cultural Revolution*. Cambridge: Harvard University Press; Schlögel K. (2002). *Petersburg: Das Laboratorium der Moderne, 1909–1921*. München: Hanser; Schlögel K., Schenk F. B., Ackeret M. (Hg.). (2007). *Sankt Petersburg: Schauplätze einer Stadtgeschichte*. Frankfurt am Main: Campus; Steinberg M. D. (2011). *Petersburg: Fin de Siecle*. New Haven: Yale University Press.

боты Карла Эмиля Шорске «Вена на рубеже веков: политика и культура»<sup>7</sup>. Однако, в отличие от книги Шорске, в которой развитие австрийской столицы показано как один из классических образцов модернизации городского пространства, в рецензируемой книге описывается ситуация исторической неудачи попыток модернизировать столицу российской империи, удовлетворить насущную потребность превращения ее в «метрополис»<sup>8</sup>.

Заглавие книги четко обозначает не только хронологические рамки исследования, но также и круг лиц, о которых повествует книга. Первым из этих лиц становится последний российский самодержец. Развивая уже отмеченную исследователями (например, Ричардом Уортманом и Катериной Кларк) идею о нелюбви Николая II к Петербургу, Ева Берар показывает, что это неприятие не было лишь выражением его страхов, эстетических и идеологических пристрастий, но свидетельствовало о фундаментальном непонимании и неприятии городской культуры. Растущее влияние буржуазии и городского населения настоятельно требовало от самодержавия готовности к реализации масштабных городских проектов, к превращению столицы в пространство для «городских церемоний» и «сценариев власти» (Уортман). Между тем событийная канва правления свидетельствовала о неумении сделать последние формой коммуникации с городом, что ярко проявилось уже в момент коронации императора, завершившейся Ходынской трагедией, в революционных событиях 1905 года, юбилейных торжествах 1913-го и т. д. Сопротивление, которое встречали проекты реформирования города — начиная от демократизации городского управления и заканчивая модернизацией системы канализации, свидетельствовало о сохраняющемся отчуждении возглавляемой Николаем государственной системы от городского населения в целом и в первую очередь от населения российской столицы. В конечном итоге это означало нечувствительность к проблематике большого города, непонимание того, что представляет из себя горожанин в разных его ипостасях — как буржуа, как квартиронаниматель, как профессионал и субъект разворачивающейся в публичном пространстве города коммуникации.

Борьбой за модернизацию российской столицы определяется активность других протагонистов книги. Ева Берар подробно проследживает творческую биографию Александра Бенуа — идеолога «Мира искусства» и одного из вдохновителей петербургского градозащитного движения, а также его соратников — Сергея Дягилева, Дмитрия Filosofova и др. Ключевая роль «мирискусников» в формировании идеологии русского модернизма и в создании культа Петербурга широко известна и неоднократно освещалась в научной литературе (здесь можно упомянуть тексты целой когорты исследователей — начиная от Татьяны Каждан, Елены Борисовой, Александра Осповата и Романа Тименчика и заканчивая Эмили

---

7. Шорске К. Э. (2001). Вена на рубеже веков: политика и культура / Пер. с англ. под ред. М. В. Рейзина. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова.

8. Эта перспектива отличает ее и от хронологически близких к сюжету ее книги исследований Карла Шлегеля и Катерины Кларк.

Джонсон и Вадимом Бассом). Прослеживая истоки и контексты возникновения эстетической программы журнала и других аналогичных проектов, таких как сборник «Художественные сокровища России» и журнал «Былые годы», Ева Берар акцентирует их урбанистический пафос, связанный с идеей формирования образа города, достойного европейской столицы. Обращаясь к социальному и политическому контексту работы этих изданий, французская исследовательница показывает, что вопреки восприятию их как прибежища эстетов, декадентов и пасаеистов их программа была попыткой откликнуться на потребности современного общества. Сравнивая эту программу с аналогичными инициативами, возникшими в других европейских столицах, автор книги подчеркивает присущую ей модернистскую противоречивость: будучи антибуржуазной по своему пафосу, идея петербургского наследия была адресована именно буржуазии; отстаивая идею городского наследия как наследия национального, эта программа дистанцируется от провинциализма народников и бюрократии и создается в европейском горизонте и с оглядкой на европейский урбанизм. Как показывает Ева Берар, смысл этой программы выходил далеко за пределы не только чисто эстетических дискуссий, но и собственно петербургского контекста. Она предполагала реформирование художественного образования и музейного дела, созидание новой государственной эстетики. «Под прикрытием „культы Старого Петербурга“ он [Бенуа. — Б. С.] разрабатывает программу художественной политики новой России, т. е. России буржуазной, конституционной и европейской» (с. 219).

Наконец, третьей стороной описываемого в книге «петербургского диалога» выступают участники дискуссий о модернизации Петербурга — министры и меценаты, чиновники и депутаты, инженеры и архитекторы. Эти дискуссии не только обращают нас к практическим вопросам управления городом — начиная от принятия городского положения<sup>9</sup> и заканчивая постройкой городской канализации, в отсутствие которой Петербург занимал одно из первых мест среди европейских столиц по уровню смертности среди населения. В них просматриваются пути обсуждения тех вопросов, которые изначально были прерогативой социологии города и городских исследований — природа городского сообщества и кооперации городских жителей, значение миграции, создание и использование публичных пространств и т. д. Возвращая из исторического небытия фигуры петербургских реформаторов, таких как последний петербургский городской голова граф Иван Толстой, архитектор Леонтий Бенуа (старший брат Александра Бенуа), инженеры Николай Астров и Федор Енакиев и др., книга Евы Берар вносит важный вклад в осмысление традиции российской урбанистики. Начатая этими людьми работа по осмыслению городской жизни была прервана войной, а затем — Революцией и не успела вылиться в какие-то полноценные формы ни в теоретическом, ни

---

9. Этот сюжет рассматривался также в работах Анны Сухоруковой. См., напр.: Сухорукова А. С. (2000). Петербургская городская Дума и проблемы градостроительства в конце XIX — начале XX в. Дисс. канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук.

в практическом плане, в отличие от градозащитного движения, которое получило мощное продолжение после Революции<sup>10</sup>. Имена отечественных пионеров городских исследований весьма слабо знакомы российской публике, не говоря уже об отсутствии их в международном урбанистическом пантеоне, на что сетовал в свое время Вячеслав Глазычев<sup>11</sup>. Их появление в контексте истории петербургской модернизации позволяет вывести их за рамки профессиональной градостроительной криптиотрадиции<sup>12</sup>, увидеть их деятельность в контексте эволюции российской городской культуры.

Наряду с социологической чувствительностью, присущей подходу автора книги (притом что собственно социологическая традиция представлена в тексте достаточно скупо<sup>13</sup>), «Империя и город» обладает и несомненными литературными достоинствами. Несмотря на масштабы подготовительной работы и объем перелопаченных автором источников, текст не выглядит тяжеловесно, хотя отсутствие большого количества ссылок вполне может вызвать претензии поборников позитивистской научности. Легкость стиля, замечательно воспроизведенная в переводе Марии Неклюдовой, насыщенность исторической фактурой и яркость отдельных сюжетов (таких, например, как характеристика восприятия Парижа Николаем II в ходе его французского путешествия 1896 года или рецепция идей Отто Вагнера российскими архитекторами) дополняется захватывающим ритмом повествования, который создает у читателя ощущение темпа истории<sup>14</sup>. Эти достоинства неизбежно оборачиваются издержками: стремясь не утяжелить текст, автор вынуждена в некоторых случаях оставлять за рамками изложения некоторые детали «исследовательской кухни». К примеру, некоторая недостаточность аргументации ощущается в разделе, посвященном формированию идеи петербургского наследия. Описывая роль журнала «Старые годы» и одного из его главных идеологов, Николая Врангеля в формировании «культы Петербурга», Ева Берар говорит о значении ностальгии по усадебному быту как одном из важнейших источников формирования идеи городского наследия, однако подробно связь между

---

10. Феномен петербургского краеведения сегодня довольно неплохо изучен. См.: *Гладарев Б.* (2011). Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // *Хархордин О.* (ред.). От общественного к публичному. СПб: ЕУСПб. С. 69–304; *Johnson E. D.* (2006). *How St Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie.* Pennsylvania: Pennsylvania State University Press; *Kelly C.* (2014). *St. Petersburg: Shadows of the Past.* New Haven: Yale University Press; *Kelly C.* (2014). *Remembering St. Petersburg.* Oxford: Triton Press; *Maddox S. M.* (2014). *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950.* Bloomington: Indiana University Press.

11. См.: *Глазычев В. Л.* (2008). *Урбанистика.* М.: Европа. Показательно, что свой труд автор посвятил трем родоначальникам этой традиции — Владимиру Семенову, Григорию Дубелиру и Льву Велихову.

12. См., напр.: *Волкова Н.* (2016). Генеалогия российской урбанистики. Как наследие городских инженеров 1930-х вошло в современную брань // *Коммерсант.* 28 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3184725>.

13. Автор ограничивается ссылками на классические работы Макса Вебера, Георга Зиммеля, Роберта Парка и Луиса Вирта.

14. В главе, посвященной событиям первой русской революции, автор даже использует технику монтажа цитат, погружая читателя в поток разворачивающейся исторической драмы.

ними не раскрывается (с. 203). Между тем, с учетом значимости вопроса о связи интереса к наследию с утверждением буржуазных ценностей, этот сюжет требовал бы более подробных пояснений.

Впрочем, такого рода критика, как и претензии фактического порядка<sup>15</sup>, вряд ли могут повлиять на оценку того вклада, который книга Евы Берар вносит в развитие исторической урбанистики. Разворот проблематики «петербургского текста» в плоскость социологии и социальной и политической истории радикально выводит ее за пределы краеведческой рефлексии, к которой тяготеют многие образцы этой исследовательской традиции. Анализ того, как городские проекты формируются в разных социальных полях и под влиянием различных политических конъюнктур, как они затрагивают не только интересы элит, но и способствуют кристаллизации городской публики, можно рассматривать как удачный опыт изучения современного урбанизма<sup>16</sup>. Будучи адресована как специалистам, так и широкой читательской аудитории, книга Евы Берар дает интересный материал для обсуждения тех процессов модернизации российских городов и попыток реализации диалога между властями, дизайнерами и экспертами, которые разворачиваются на наших глазах.

Book Review: Eva Berar, *Imperija i gradod: Nikolaj II, "Mir iskusstva" i gradodskaja дума v Sankt-Peterburge. 1894–1914* [Empire and City: Nikolaj II, "Mir iskusstva" and City Duma in Saint Petersburg, 1894–1914] (Moscow: New Literary Observer, 2016) (in Russian)

*Boris Stepanov*

Candidate of Culturology, Leading Research Fellow, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics

Associate Professor, School of Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: bstepanov@hse.ru

---

15. Зайцев М. В. (2017). Рец.: Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016 // Историческая экспертиза. № 1. С. 181–185.

16. Обсуждение развития городских исследований в славистике см., напр., в: Антропологический форум. 2010. № 12. С. 7–210.